

ФИЛИПП САНОЧКИН

Мой милый Ис

СТИХИ

г. Нижняя Тура, 2010 г.

Филипп Саночкин

Мой милый Ис

Стихи

Компьютерная верстка: О. Симаков

Изготовлено в ИД «Резонанс», г. Н. Тура, ул. Свердлова, 135,
тел. (34342) 2-46-84, 3-66-89
e-mail: rezonans92@mail.ru

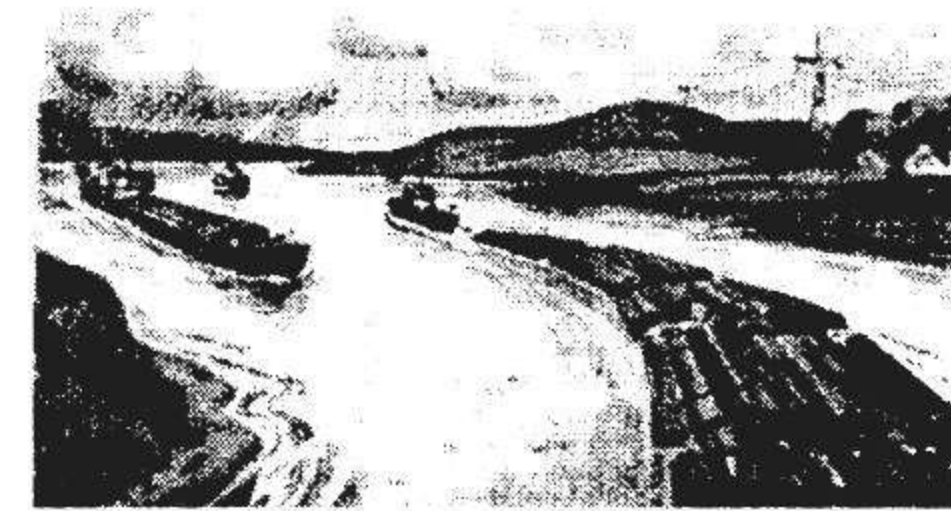
Заказ 3754. Тираж 30 экз. 2010 г.
Гарнитура «Arial». Бумага «SvetoCopy».
Формат 84x1081/32

Холодно лету 2010-го...

Лету холодно. Зябнет лето,
В дождевой завернувшись плащ.
В мокром сумраке до рассвета
Козодоя слышится плач.

Родников помутнели донца.
Ветры втянуты в круговерть...
Как из туч мне вызволить солнце,
Чтобы лето свое согреть?

Драга

Зарыдала тоскливая драга,
Словно плачет коров легион...
Мне не надо «коровьего блага»,
Мне не надо рублей «в миллион».

Все сильнее сжимается время,
Все плотнее событий разгон,
Только б сбросить тяжелое бремя, –
Я не скряга и не Гарпагон.

Чтоб красивая жизнь не кончалась –
Без пинков, оплеух – в лёгких снах.
Помнишь: лодка России качалась
На бушующих жутких волнах?..

Поплатились трусливой «свободой»,
Оттолкнули родную плечом.
Сквозь окно умилялись природой,
Остальное нам – все нипочём!

Не рыдай ты, визгливая драга,
Ты прими мой нижайший поклон...
Мне не надо «коровьего блага»,
Мне не надо рублей «в миллион».

Платина

Она ничем не удивляет глаза.
Скромна. Достойна и проста на вид.

Но, как литая пушкинская фраза,
Сокровища бесценные таит!

Ей силу придают и благородство
Не столько ухищренья мастерства,
Сколь чистота, лишённая притворства,
И редкостная ценность естества.

Антихрист

Ворвался бешеный Антихрист,
Чадит Рублевское шоссе.
Асфальт горяч, вонюч и искрист,
По травам шел, был весь в росе.

Гремят железные ворота
Через дорогу от меня.
Антихрист жаждет живоглота,
Конца и мира, и огня.

Грохочут дикие набаты, –
Слиянье ада и тоски.
Молокососы и развраты...
И так до гробовой доски?

Весь на виду

Меж взглядов и чуждых, и наглых,
Распахнуто, весь на виду
Иду, не печалюсь о благах,
С достоинством русским иду.

Мне трудно, мне горько – не скрою,
Но совестью не поступлюсь.
Не рвусь в показательные герои,
А просто тревожусь за Русь.

Медяки

Под сенью берёз белопенных
Мы жили – других не бедней...
Два пятака неразменных
Было у бабки моей.

Два тёмных кружочка из меди
Прятала за образа,
Чтоб не просить у соседей
Грошей – прикрыть глаза.

Счастливая весна

Давно ли цвёл зелёный дол,
Лес шелестел листвою,

И каждый лист был свеж и чист –
От влаги дождевой.

Где этот милый летний рай?
Лесная глушь мертва...
Но снова май придёт в наш край –
И зашумит листва.
Но ни весной, ни в летний зной
С себя я не стряхну
Тяжелый след прошедших лет,
Печаль и седину.
Под старость краток Божий день,
А ночь без сна длинна.
И дважды в год к нам не придёт
Счастливая весна.

Отава

До колен зелена отава –
Хоть веди второй сенокос.
У тебя голова кудрява –
Ты вторую жену привёз.

До колен зелена отава –
Только скосишь – не просушить.
У тебя голова кудрява –
Только как же с другою жить?

Колосья стихов

Мои стихи. Моё мученье.
Мои вседневные труды.
Забота. Радость. Излечение
От суеты, от немоты...

Я рос угрюмым, безголосым.
Ни станцевать, ни песню спеть.
Но поднялись стихов колосья
И тихо начали звенеть.

Ращу их нежно и упорно
И нет счастливей никого,
Когда они шумят раздольно
На ниве сердца моего.

Ночь

Спустилась ночь таёжная,
Туманы в поле стелются.
А сердце мнёт тревожная,
Голодная метелица.

Смешала мысли с вихрями,
Взбесила кровь кипучую, –
Строптивую не выпрямить, –
Умчалась в даль далючую.

Туда, где светом солнечным
Одно окошко светится,
Чтоб перед сном, до полночи,
С моей любовью встретиться.

Электросварщик

Окна цеха сверкнули ярко.
Синий свет пролился на двор.
Славный парнишка электросваркой
Начал с металлом живой разговор.

Лихо заломлена шапка-ушанка,
Пот по лицу покотился ручьём.
Сердце своё, словно горьковский Данко,
Отдал железу. Он им увлечён!

В окна гляжу я и часто-часто
Шепчу молчаливым горячим прессам:
– Может, возьмёт. Может, скажет:
– Здравствуй!
Может, дерзнёт. Догадается сам...

Море

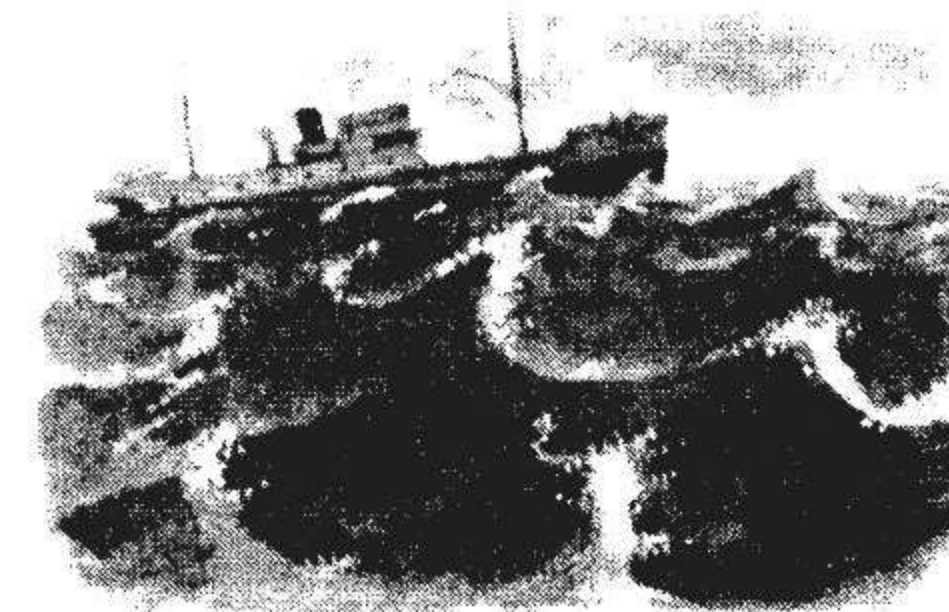
Что мне небо голубое –
Синь его мне душу давит –
Дай мне море штормовое,
Дай мне бурю, ветра стон.

Я хочу, чтоб волны пели,
Я хочу, чтоб волны звали.
В те края, где мы мечтали,
К той, в которую влюблён.

Я пою, а волны плачут,
Принеся ответ печальный.
Затихая, слёзы прячут,
О любви моей скорбя.

Долго мчались мы по свету,
Вновь нашли твой берег дальний.
Ты, поэт, не жди ответа –
Нет любимой у тебя.

Только море штормовое,
Только чаек крик прощальный.
Ветер злой унес с собою
Ту, что ты искал, любя...

Я старею...

На черёмуху – дикий холод...
Полетели вокруг лепестки.
Я старею... Увы! – я не молод.
Мельтешат лепестки-дохлецы...

Налетит из груди тревога,
Понесёт меня – чудака.
... Под ногами пылит дорога,
Только вечны одни облака.

Не замай!

Всё целюсь в чудный светлый образ –
Стихами мудрость изваять.
Увы, ведь мой предряхлый возраст –
Не шапку Сенькину ломать.

Да, я не в силах это сделать.
Не в силах милую понять...
Виолончель печально пела,
А мой удел – всегда страдать.

О ты, малиновое небо!
О ты, веселый юный май!
Вот это поле, где ты не был.
Покой и нега... Не замай!

На почте

Глянь, совершенно отрешённо
Студент с нахмуренным челом
Сидит, как кем-то обольщённый,
За длинным письменным столом.

То перечёркивает что-то,
То озаряется на миг,
Как над контрольной работой
Отнюдь не первый ученик.

С той тщательностью,
с тем терпением
Корпит над смыслом слов своих,
Как я над тем стихотвореньем,
Что мне дороже всех других.

Волки и овцы

Была война. Отцы ушли на фронт
И канули в реку забвенья – в Лету.
А мрачный, с перепадом горизонт,
Лилвел и мертвел под стать скелету.

На хуторе – великая напасть:
Сбежали с фронта воры-дезертиры.
Для них одно – пожрать и обокрасть,
Людей страшили скрытные вампиры.

А как-то ночью взвыли на задах
Осатанело бешеные волки.
Ужасный вой, застрявший в их ладах,
Но хутор даже не имел двустволки.

В ночи сверкали злобные глаза.
Овец в сарае охранял колхозник.
Металось стадо. Пучилась гроза.
И был один полуглухой извозник.

А днем хватали волки всех овец
И рвали шкуры, клочьями сдирали.
Кишки болтались – тот уж не жилец –
И в пасти волка тут же умирали.

Лилия

Я вдруг увидел лилию речную
В трамвае, у рабочего в руке.
Он направлялся, видимо, в ночную –
В ботинках грубых,
в старом пиджаке.

Ни возраст, ни вседневная работа
Не затенили глаз его больших.
Он взял цветок,
должно быть, для кого-то,
А может, так, для собственной души.

Благоуханный край

Утопаю в черёмухах белых,
Жадно пью их родной аромат...
Кто заставит студентов взопрелых
Жарким летом зубрить диамат?

Убегаю в лесные просторы,
Где березок духмяный настой.
Не глумитесь в домах крохоборы,
Нам не нужен второй домострой.

Возвращаюсь к родным, загорелым...
Улыбаюсь скворцам и друзьям!
С красным яблоком –
в миг перезрелым –
Выхожу побалакать к друзьям.

Надёжный друг

Среди тайги, в снегах глубоко,
На полустанке вдалеке,
Глаза крестьянского пророка
Я вижу в тихом паренёке.

Пыхтя, подходит скорый поезд,
В вагон садится паренек.
В его глазах читаю повесть
Россией пройденных дорог.

Разруха, голод, пепелища,
И нет воды, и нет огня...
Заиндевелые глазища
Пытливо смотрят на меня.

С таким достоинством без лести,
С такою верой без потуг,
Что с ним любое дело вместе
Легко начать. Надёжный друг!

Февральская лазурь

Опять февральская лазурь
Перевернула мою душу.
Всё в прошлом: темный мрак и дурь...
Я чётких правил не нарушу.

Теплее снега пелена,
Она роскошна, эфемерна.
Меня коснулась седина,
Как этот белый снег, безмерна...

А не сбежать ли?..

Опять с тревогой счет веду годам:
Немного ж их итожится в остатке...
А не сбежать ли мне на Валаам,
Сыграв с судьбой в запутанные прятки?

Радости нет...

Радости нет у людей...
Постные, хмурые лица.
Чёрный ворчит лиходея, –
В сенках скрипит половица...

Кто там – в земле распашной
Стонет под звон колокольный?
Грозный начётчик шальной
Грезит – ужасно довольный.

Чахлый и робкий малец –
Жалок, навязчив, как муха.
С кем воевать-то, боец?
Хватит ли силы и духа?

Дряхлый, седой стихоплет
Вдрызг пробирает аскета,
Словно строчит банкомёт,
Прямо с чужого памфлета.

Этот фигляр-здоровяк
Выдохся, как недоучка.
... Чем здоровее маньяк,
Тем незавиднее штука.

Июль в тайге

Полон ягод подол
У лесной поляны.
Охраняют тиходол
Сосны-несмеяны.

У оленя на губах
Алый сок клубники,
И запутался в рогах
Колокольчик дикий.

Крикнула звонко

Крикнула звонко: «Я побегу!» –
Шапочка пунцовая на синем снегу.
Направо, налево летит лыжня.
Видно, убегаешь ты от меня.

За строгими стволами мелькает огонёк.
Ах, какой сегодня выдался денёк!
Всё во мне поёт, хотя и не пою.
Просто догоняю молодость свою.

Хотя бы раз!..

Иные так: не лезут в драки,
Не ходят, скажем, напролом.
Они лишь дома забияки,
Хмелея с квасу, – за столом!

Потом с таким самообманом
Идут – их прыть не по летам,
И кулаки у них в карманах,
И скромный кукиш тоже там.

А вдруг?.. Пиши тогда пропало,
Коль за ушко да напоказ...
... Ну хоть бы раз таким попало,
Да по зубам! Хотя бы раз!

Птичье вече

Птичье звонкое вече
У меня под окном.
То ли утро, то ль вечер –
Все пекусь об одном:
Воробьи да синицы
Учиняют содом.
Несуразные птицы
Прут на драку гужом...

Вот летят свиристели
Грациозных пичуг...
Собирают в артели
Задуманных подруг.
Нежный шелковый голос.
Не галдят, не кричат.
Хохолки – чудный волос.

Молоточки стучат.
Молодцы свиристели!
Щиплют почки рябин.
Перья: желтый да белый,
Даже красный рубин...

Снегири-красногруды –
Щеголяют друзья.
У природы причуды –
Колобродить нельзя!
Столь медлительной птахе
Где ж тянуть канитель!
Вмиг нагрянут и свахи –
Вот и птичья артель.
Благородный да важный
Прилетает снегирь.
Он сегодня вальяжный:
Улетает в Сибирь.

В блеске молний

Дай мне, жизнь, пожалуйста,
Сердечные слова.
Дай их не из жалости,
А по правам родства.

Дай мне их по главному,
По кровному родству,
Крутому, своенравному,
Которым я живу!

Дай мне, жизнь, пожалуйста,
Горящие слова,
Дай их не из жалости, –
Чтоб кругом голова,

Чтоб светом день наполнив,
Я одного достиг,
Чтоб слово в блеске молний
Огнём входило в стих!

Скрипи, перо!

Сидишь, обдумывая строчку,
И, пригорюнясь,
Глядишь в невидимую точку –
Почти что в юность.

Она, пока есть в горле влага,
Не бесприютна.
Скрипи, перо! Черней, бумага!
Лети, минута!

Взмахнул нагрывший с приветом
Твой добрый ангел под окном

И вмиг все тучи с небосклона
Ушли, очистив вышину.
Я вновь шепчу тебе влюблено,
Как в ту безумную весну.

Шепчу стихи о пылкой страсти,
О милых ласковых глазах.
Над нами синей птицей счастье
Опять витает в небесах.

И я под тихий звон капли
Несу в ладонях, как маяк,
Все сорок пять твоих апрелей,
Родная женушка моя.

Несу, свою задачу зная:
Сберечь все капли до одной.
Так с днем рождения, родная!
С твоим апрелем и весной!

Жуть и страх

К нам шла жестокая война,
И громко плакала желна.
Я потерял ночной покой,
И волки выли за рекой.

В зверином поле жуть и страх,
В ночи сверкали их глаза.
Сиж у мамы на руках –
Трясусь. Пугаюсь. Весь в слезах...

Ночные ветры за окном...
Корова Марта взаперти.
А может, волки влезут в дом?..
От них нам с мамой не уйти?..

Благодарю родную мать!
Былые годы вспоминать,
Дурные страсти ворошить,
Тогда уж лучше и не жить...

Август

Холодный август весь в дождях:
Всевышний жалуется не очень.
Мы печи топим второпях –
Шутя, пришла старуха осень.

Душа меня переживёт...
Кто там плаксивый смерти ждёт,
Былые годы вспоминает?

Ещё с младенческой поры
Так жизнь кропаю наудачу:
Не упаду ль с крутой горы?
Чего ж на старости я плачу?

И август плачет – он не рад
Поре осеннего распада...
Моей душе противен ад,
Душа сама ему не рада.

За всё сумбурное – прости!
К какому берегу причалить?
К какому Богу снизойти? –
Ах, август, все полно печали...

Ночная гроза

*Дно морское –
Родина Урала.*

Кругом сверкало и гремело,
И дождь хлестал как из ведра.
В саду качались очумело
Кусты до самого утра.

Не до эпитетов сопливых –
Боишься выскочить за дверь,
Попасть в когарту несчастливых,
Как ходит втихомолку зверь.

Над древним кратером вулкана,
Где обитает скромный Ис,
Над буйной чашей океана
Носились тучи вверх и вниз.

Да, дно морское было, было,
Гранитный кратер тихо стыл,

А позже стало всё уныло –
Иссяк настырный прежний пыл.

Вдруг захотелось напоследок
Изящный мир запечатлеть:
Пусть будет древний мудрый предок
На нас глаза в глаза глядеть!

На хуторе

Жил в глубинке я отроком рьяным.
Нет, не дрался... Ни с кем. Никогда.
Мир с овчинку... А мы с Киприяном
Ковырялись с гармонью в ладах.

Он садился на лавку у дома, –
Ничего нет гармонии родней.
И стезя моя, с детства ведома,
С тех прелестных отроческих дней.

Скоро ль, скоро ль гармонь заиграет?
Киприян упреждает: не тронь!
Все услышали в праздничном крае
Киприянову чудо-гармонь.

Милый хутор... Любовь не случайна.
Ненароком нагрывает печаль...
И какая-то жгучая тайна
Нас манила в прекрасную даль.

Балалайка-трехструнка играла,
Высекала из сердца огонь.
Так любили мы два идеала –
Балалайку и чудо-гармонь.

Тухлый рок

Из какого дремучего леса
Ты бросаешь на нас стыд и срам?
По ночам веселишь злого беса
И храпишь взаперти по утрам.

Что ни день – бум-бум-бум раздаётся,
Уши сквозь: у Иуды бардак!
Дикий гром по округе несется:
– Камнепад!..
– Тухлый рок!..
– Кавардак!..

Сумасбродный, голодный, бездарный,
Ты давно рассупонился сам.
Дикий рок – самозванец угарный,
Он не вторит людским голосам.

Деревня Федино

Иду взирать счастливым оком
Туда, где в небушке дыра,
И где у Федина под боком
Крутая Лысая гора.

Домишки чахлые с укором
Глядят безглазые, без сна...
О Родина! Твоим позором
Опять душа моя полна.

Сплошная улица безглазых,
Как динозаврам – «глушина».
Среди безрёбрых, несуразных –
Печаль и грусть.
И – тишина...

Немая улица глядела
В ту пустоту – мне ли не знать!
До нищеты, до беспредела
Россию-матушку загнать!..

Ах, Федино, начни с начала –
Создай божественный уют.
Здесь дико музыка рычала,
Но песен больше не поют...

Беспечность русского народа
Меня подавно не манит...
... И только чудная природа
Лишь красотой своей пленит.

Ручей

Ручей!.. Должно быть, тает снег,
А где он тает – неизвестно.
Но чую, чую буйный бег
Капель первой и прелестной.

В корыте с плоским серым дном –
Сюда мы снег зимой свозили,
Но где покрылся он потом
Коростой мусора и пыли?

Во многом сходная судьба! –
И у меня с ручьём сегодня
Одна сварливая гульба,
Где бабка – дряхленькая сводня.

Мне воробей кричит:
– Ты чей? –

Тонким писком отзовется...
Не может быть, что не пробьется
По волю вольную ручей!

Кормушка для птиц

Январь – за тридцать.
Щелочки-глазницы...
Седые космы стынут на стекле.
Зеленые вертлявые синицы
Почуют за стрехой – почти в тепле.

Воробьи своей чумной оравой
Мне правят своенравный ветрогон,
Когда бегу к кормушке с шумной лавой,
Как дикий вихрь, сражаюсь на обгон.

И даже двухэтажная кормушка,
Пазам не верю – опустошена...
Ут каждый, задираясь, побирушка.
Ах, к вечеру –
Пять задать зерна!

Песенка

Песня, песня, песенка!
Есть на печку лесенка.
Приходи, дружок, искать,
И на печке буду спать.

Вдруг мой милый угостил –
Сниз по лесенке спустил.
И летела не дыша
Со второго этажа.

Мы с миленочком сидели,
Обнимались горячо:
И ему сломала руку,
Он мне вывернул плечо.

Круиз по Каме

Прекрасен правый берег Камы!
Он неким таинством пропах.
Забывшись, все ищу глазами:
А где же царская тропа?

Мам лик Тавриды, что нет краше
Опять пригрелся с тобой.
И в схватке волн с кормою нашей
Я слышу яростный прибой.

И в самом деле, присмотрися:
Тот берег – Крымская гряда,
А пики елей – кипарисы,
Что колют небо без труда.

А среди сосен, в кущах клёнов,
Где тишина, покой, уют,
Седые дачи вверх по склонам
Как чайки белые снуют.

Они манят меня. Я слышу:
Иди, ищи свою судьбу.
Мы, так и быть, по зову свыше
Укажем Царскую тропу.

И я пойду – пора настала! –
Сбегу в Закамье от жары
И растворюсь любовью алой
В лучах малиновой зари.

Соловьи

На Ису запели соловьи –
Сыплют сладкозвучные рулады
О весне, о счастье, о любви,
И мои соседи дюже рады.

Удивляясь, я душою млел:
Слыхано ль то?
Было ль в кои веки?
Может, впрямь,
наш климат потеплел
От незримой божеской опеки?

Может, сей залётный соловей
Из заблудших или бесконтрольных?
Иль из тех, что громче и смелей
Летунов каких-нибудь гастрольных?

Сколько силы в трелях у певца!
Сколько страсти –
радостно чертовски!
Покорил и души, и сердца,
Как наш Басков или Хворостовский.

На Руси водились знатоки
Курских птах –
за них платили тыщи,
И певун, как в роце у реки,
Так же громко распевал в жилище.

Но пришли иные времена –
Рок-н-рол нахально шкварил уши.
Кто-то сеял злые семена,
И черствее стали наши души.

Отряхнусь от всех дневных боёв.
Люди, тише!..
Наслаждайтесь одой –
Выходите слушать соловьёв,
Посидим наедине с природой!

Доблесть

Все в нем:
незапятнанная совесть,
Жизнь и биография сама,
Аристократическая доблесть
И аристократия ума.

В роли
золотого мецената
Не рискнет на изменный обман,
Любит афоризмы Иппократа
И читает рыцарский роман.

Из детства

Здесь жил беспечный отрок юный
В родном березовом краю.
Друзья хвалили: парень умный,
Такие лишь живут в раю..

В отрогах горного Урала
Моя качалась ладья...
... Война кровавая вползала
Уже в российские поля.

Шел сорок третий год в накале.
Мы, не познавшие войну,
Отцов родимых в поле ждали,
Смотрели, плача, на луну.

Недетская, слепая доля
Связала воедино нас.
Мы молча возвращались с поля –
Хранил нас верный лунный глаз.

Мы все тогда ходили в ясли,
Играли в глупую войну.
Но вдруг глаза парнишек гасли –
Все детство было на кону...

Сейчас мой кругозор заужен,
Давно рука моя робка.
Я никому уже не нужен,
И дрябло плавает строка.

Хотя намёками простыми
Твержу усердную мольбу:
– Словами тихими, скупыми
Благодарю свою судьбу...

Мир спасти!

Опять идет ко мне Иосиф Бродский –
В деревне Норенской довольно
прозябать...
Ну а я – заблудший хрен уродский –
Могу лишь угли в печке выгребать.

Холод воспитал меня, вложив перо
В пальцы, чтобы их согреть в горсти.
Поверь в заблудшее Адамово ребро:
Младенец родился в пещере –
мир спасти!

Привыкай к пустыне, милый, и к звезде,
Льющей свет с такою силой в ней везде.
У одних – игрушки, мячик, дом высок –
У тебя для игр ребячьих – весь песок.

Привыкай, сынок, к пустыне. Под ногой,
Окромя нее, твердыни нет другой.
В ней судьба открыта взору за версту,
В ней легко признаешь гору по кресту.

К осени

Я люблю свой милый, светлый сад
И пичуг залиvistые трели,
И рябинке тонкой дюже рад –
В ней поют тихонько свиристели.

Но лесов угрюмых дикий мрак
И стерни колючие покосы...
Боже правый!.. Грохнусь в буерак,
Где, быть может, покусает осы.

Но родная Русь поможет мне –
Проливных дождей уже не надо.
Журавлиный ум всего верней –
Клином полетят – не колоннадой.

Полетят они, вбирая плач,
Красоту былых времён и знаний,

Мимо дома нашего и дач –
Не спеша. Мудро.
Без причитаний...

Зубик режется...

Зубик режется – ландыш лесной.
Стукнешь ложечкой – звон серебра.
Это было ранней весной.
Как ты, жизнь, порою добра!

Зубик режется. Первоцвет...
Звон росистый в тиши лесной.
Начинающийся рассвет,
Ты помедли, побудь со мной!

Девчонка

Нет тяжелее первой строчки,
Она – все знают – свет и тень.
... Девчонка в беленьком платочке
Встречает новый летний день...

Она подпрыгнула на стёжке,
Чтоб ветку тополя достать.
Её зелёные серёжки
Почти берёзовым под стать!

И как-то стало больше вроде
Того, что манит и зовёт
И что давным-давно в народе
Везде поэзией слывет.

Пытаюсь понять...

Слава сельским родным деревням!
Не пытайте меня в кумовстве...
Поклонюсь и траве и зверям –
Мы в хорошем и близком родстве.

Одиночество брошенных гнёзд...
Что простые крестьяне едят?
Мы кормились в войну от берёз –
Вон глаза отовсюду следят...

Страх, внушающий ужас от тризн,
Только некому было пенять...
... Муравьиною трудную жизнь
На коленях пытаюсь понять.

Торнадо

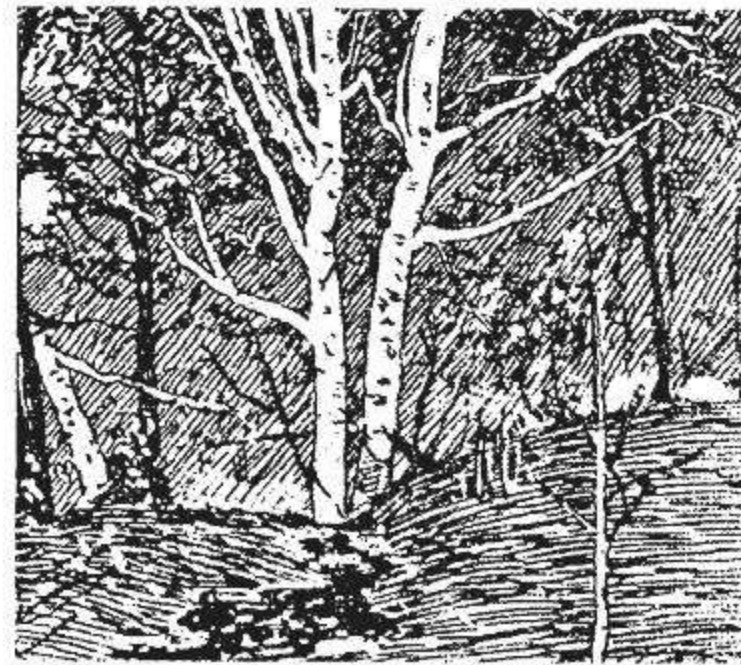
Созрела вкусная морошка!
Ждут многодумные леса.

Мою заветную дорожку
Ждёт вся волшебная краса.

И станет сладко мне и жутко –
Уж мне ли строить города?..
Всё обойдётся доброй шуткой,
Как было в прежние года.

Одни со мной остались грёзы,
Сердечной памятью пленя.
Мои духмяные березы
Целуют в темечко меня.

... Куда-куда всё это сплыло,
Иль всё торнадо унесло?
Давным-давно всё это было,
Быльем-бурьяном поросло.

Я стал сентиментален...

Под старость вдруг я стал
сентиментален,
Слезлив, причудлив, даже
своенравен...

А мартовское солнце припекает –
Глядишь, во всю заплещется ручей,
И бранный марш мгновенно заиграет,
И сладко всем от мартовских лучей!

А воробьи родной Урал встречают,
Они любя меня благодарят:
– Чирик-чирик! – в блаженстве мирно
тают,

Мне кажется, вот-вот заговорят.

Печка

А печь сначала плачет и плюется,
Смешно куражится: невкусные дрова!
Потом шипит, бормочет, улыбнется:
– Ах, у меня вскружилась голова!..

Коль мудро разговаривает печка
На скоротечном и гремячем языке.
Вон – в память благоверного сердечка –
Заря играет с лесом вдалеке.

Печь каждый день
с «приятным аппетитом»
С лихвой сжирает сладкие дрова.
И будто тянет в лес меня магнитом:
Когда ж проклюнется родная мурава!
Ах, печка!.. Печка... Выйди

на крылечко –
Восторг и радость!

И влюблённых рать!..
И ради Бога, вымолви словечко,
Ты ж каждый день ложишься умирать.

А печь глядит в морозное окошко
И дышит тихо, мирно, не спеша.
Дарить тепло, мириться с верной
кошкой –
Есть и у печки русская душа!

Стихийная сила

Радость кипит на душе –
Родные, сердечные лица...
Военно-морской атташе
Ехал в Россию жениться.

Родина – здесь, а не там.
Здесь милые, славные люди...
Ева и мудрый Адам,
Надо ль печальных прелюдий?

Яблоку негде упасть,
Коль Ева его откусила...
... Взнуздать всемогущую страсть
Лишь может стихийная сила.

Устал

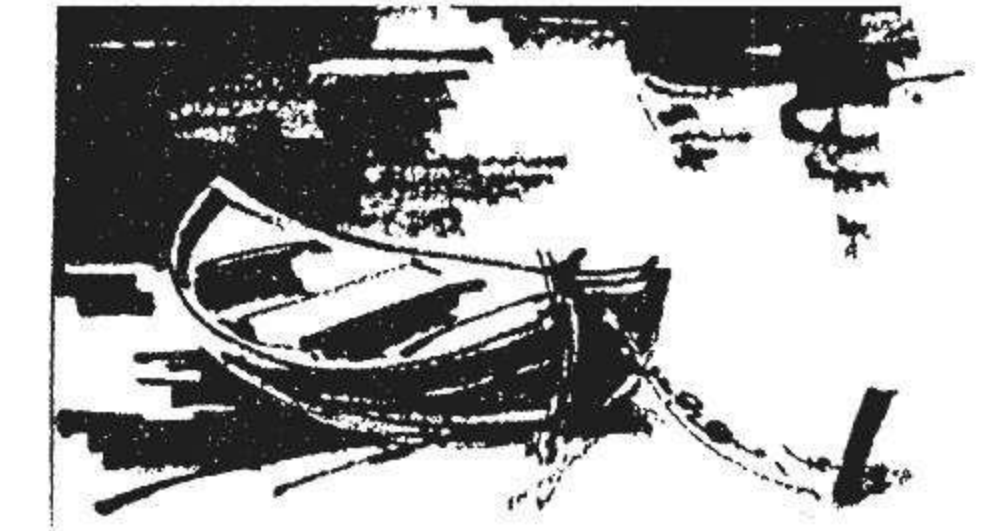
Я разбит, измят, устал:
Умирает отчим.
Люди делят капитал
Тут же, между прочим.

А во мне крадётся страх.
Струсить? – Не сумею...
Гаркнет дикий вертопрах –
Вся душа немеет.

Добрый ангел пролетел
Вдруг под небесами.
Нынче в небе передел –
Запоём басами.

Будем петь и уповать
К Богу, что есть мочи,
Чаще отчима склонять
Средь бессонной ночи.
Вот уж зорю бьёт петух
В пору волногона.
Утром рано свет потух –
Вкупе три района.

... Дома дети и жена –
Доля безвозмездна.
В лодке я и тишина,
А под лодкой – бездна.

Слава

Сперва, когда ему лет десять,
Предупредят: не куролесить!
А на пороге двадцати
Подскажут: тише! не шути!

А в тридцать буркнут: меток, зорек!
И в молодых ходить велют.
А дальше: подзатыльник в сорок
И однотомник в пятьдесят.

Его бьют слева, его бьют справа.
И в результате – приходит слава.

Малиновый жар

Малинником диким зарос откос
Над поворотом реки.
Сладчайший ветер твоих волос
Коснулся моей щеки.

Мир, который нас окружал,
Малиной спелой пропах.

Вечером во ржи

Тробираясь до калитки
Толем вдоль межи,
Оля вымокла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь:
Замочила все юбочки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?
И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

Поэты

Нет Яшина, нет Рубцова
И Орлова меж нами нет.
Долго будет не зарубцован
На душе обугленный след.

С кем теперь ни дружи и где бы,
Мы увидим из мест любых
Из стихов высокое небо,
Молодое созвездье их.

В день рождения матери

Для матери в день рождения
Раскидисто и светло
Вот это стихотворение
Черёмухой зацвело...

Казалось бы, день заглавный,
Его ли не отмечать!
Но мы – как вину заглазить? –
Свою забываем мать.

Она – да напомним разве,
Подскажет разве она?
Ведь столько праздников разных
И так широка страна.

На долю, за жизнь такую,
Которую нам принять,

Я руки твои целую,
Моя усталая мать.

Над нами и в далях огромных
Немало копится гроз,
Но празднично от черёмух
И буднично от берёз.

Гениев убили на войне...

Все думаю о тех, кто не пришел
С полей войны. О, как они бы жили!
Невзгоды наши – меньшее из зол –
Они в мешки солдатские сложили.

И, закружив своих невест и жен
От радости, о, как бы их любили!..
И не один бы гений был рожден,
Но гениев тех на войне убили.

Снежок

Снежок сметаю у крылечка,
Он тихо падает к ногам.
А у сердечка – вдруг осечка –
Пойди его переупрями.

Снег неспесивый, терпеливый,
Видать ты вовремя смекнул,
Что твой хозяин несчастливый,
Что он сегодня прихворнул.

Снежок... Иду с тяжёлым вздохом...
Ты птах моих не оскорби.
Уже посыпались горохом
В свою кормушку воробьи...

Опять, опять хватаю махом –
Скорей, спаситель-валидол!
Давно живу с великим страхом,
Где так сердито дышит дол...

Постылый снег. Увы, все то же...
Себя исследуй, разбери.
Все на вчерашнее похоже:
Снежок. Синицы. Снегири...

Заметель

Какая заметель сегодня,
Как будто мгла догнала мглу.
Снега бродяга-ветер поднял,
Да там, где чёрт сидит в углу!

И вьёт их, вьёт, как дым, клубами,
Завёл с утра на целый день,
И рад такой шальной забаве,
Свистит в три пальца, лиходеи.

И вдаль летит по бездорожью,
Омёты ставит и стога,
И наполняет тяжкой дрожью
Окрест лежащие луга.

Собацьи свадьбы

Ох уж эти собацьи свадьбы!
Волком воет мой верный пёс –
Только б вырваться да сбежать бы,
Окунуться бы в море грёз.

Пёс израненный, весь кровавый,
Только к вечеру прётся в дом.
Ухо порвано, зад – дырявый.
Не вертеп ли? – сплошной содом!

Отощалый, живот весь впалый,
Ключья шерсти висят кругом...
Кто ты, чёртушко пешедралый? –
Отхлестать бы тебя батогом!

В ваших свадьбах – весь год
бесовский...
Не устраивай ералаш!
Уж такой ты, сякой, растаковский –
Хромоногий, но всё-таки... наш!

Ты страдалец – ищи фиаско!
Удирай уж ты сквозь огород.
А я вижу: моя закваска,
Не какой-нибудь там урод...

Каков ты в самом деле...

Ты где б ни жил и кем бы ни служил,
Но, кроме городской своей квартиры,
Имей приют, который сердцу мил,
У речки малой иль озерной шири.

Пусть домик старый, пусть шалаш пока,
Чтобы упасть в ромашковой метели,
Бродить босым, пить чай у костерка
И стать таким, каков ты в самом деле.

Ночная гроза

Полночный час угрюм и тих.
Лишь гром гремит порой.

Я у дверей стою твоих,
Пожалуйста, открой.

Леса шумят, ручьи журчат
В тиши твоих долин.
И, как мечты, ручьи мои
К тебе бегут, Катрин.

Тебя напоминает мне
В полях цветок любой.
И лес в полночной тишине
Заворожён тобой.

Но тот не помнит прежних дней,
Чьё сердце из кремня.
Так пусть же у твоих дверей
Гроза убьёт меня!..

Парус надежды...

Мне обещали твои соловьи
Парус надежды и каплю любви.
Парус надежды порвало грозой.
Капля любви обернулась слезой.

В пену врезается нос корабля.
Звёзд не видать и далёко земля.
Но над последней волною моей
Песнею тешится твой соловей.

Предосеннее

Неучтиво ведут себя парни,
Похотливо глядят на девчат.
А убогие прут на поварни,
Где хвастливо и хищно ловчат...

А в лесах поспевают брусница,
Даже иволга кончила петь.
И трусит молодая лисица –
Молча с выводком в нору успеть...

Там денница горит не сгорая
В кисее белоствольных берёз.
И шумливая жизнь у сарая,
Где отцовский мирок грёз и слёз.

Бирюзовая прыть в небосклоне –
Кропотлив он и в меру красив,
Как в красавце моем –
Аполлоне, -
Он смазлив. Он игрив.
Справедлив!

Заботы

Кой-где и очереди тают,
А были плотного плотней.
Меня заботы обступают
Теснее всех очередей.

Их провожаю и встречаю,
А все пред совестью в долгу.
Устану, обожгусь печалью,
И, кажется, занемогу.

Приходи

Приходи – открою двери,
Раздевайся, проходи.
Позади – одни потери,
Все находки – впереди.

Всё, что было,
Всё, что ныло,
Уж давным-давно прошло.
Где-то что-то причинило
Как-то раз кому-то зло.

Ну, да что там,
Эко дело, -
Расколосся шар земной?..
Ах, как здорово умела
Ты смеяться надо мной.

Я не помню, я прощаю...
Что ж ты пальцами хрустишь?
Я добрею. Хочешь чаю?
Ты стареешь и молчишь...

Вот так встреча!..

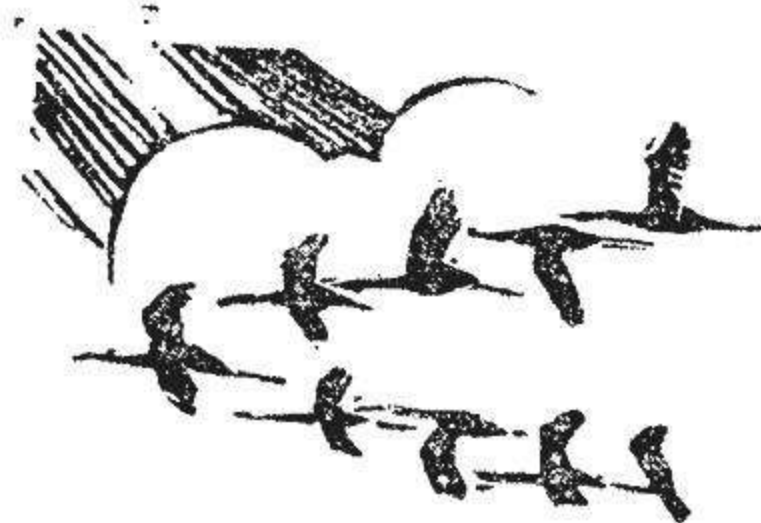
Выхожу в сентябрь – в глухие сени.
По крылечку весело взбегу.
Что-то спели вещие ступени,
А понять их песню не могу.

Очень жаль...
Мне б только встретить радость
На просторах Родины моей.
Вспомнить нескончаемую младость,
В небе – длинноногих журавлей...

Как они отчаянно кричали,
Собираясь в южные края!..
... Ныло от любви и от печали
Сердце головного журавля.

В пашнях он искал ржаное поле,
Чтоб родную стаю подкормить.
Думал о еде. О водопое.
Сил набраться. Стаю – не томить.

... Как шальной – смотрю окаменело:
Птицы подбирают колоски!..
Мое сердце в унисон гремело.
Как не разорвалось на куски?..

На реке

Реки не видел сроду
Дружок мой городской.
Он смотрит в нашу воду
С любовью и тоской.

Вода тепло струится,
Над ней томится бор.
Я плаваю, как птица,
А друг мой, как топор...

Святые часы работы...

Святые часы работы –
Утренние часы.
Полнятся мёдом соты,
Виснут капли росы.

Очень хочется много
Сделать в короткий срок!
Видится мне дорога,
Слышится мне поток.

Замыслы и заботы...
Снова – в который раз –
Святые часы работы,
Продлитесь, – прошу я вас!

Витязь

Прекрасный витязь! Конь каурый,
Ты все копытом бьёшь своим?

Стоит у камня витязь хмурый,
И три дороги перед ним.

Сменялись чудные картины
За веком – век, за веком – век...
Умолкли древние былины,
Вознёсся в космос человек.

Опять от вздорной чертовщины
Кретины спорят с пустотой.
Шуршит бетон, летят машины
С какой-то злобной быстротой.

Кто пьёт вино, кто балагурит, –
Скажу одно – ступай на дно!
А человек лежит и курит,
И на звезду глядит в окно.

Он здесь лежит, едва не плача,
Ни с кем не спорит, не грешит...
Его вопрос, его задача, –
Никто на свете не решит.

Язык чесали мы в финале,
Один остался он раним...
И точно так же, как вначале,
Все три дороги перед ним.

Коза

Побежала коза в огород.
Ей навстречу попался народ.
- Как не стыдно тебе, егоза? –

И коза опустила глаза.
А когда разошелся народ,
Побежала опять в огород...

Мамины руки

Всё руки мамы предо мной снуют,
Они давно мне не дают покоя.
Она познала грубый тяжкий труд,
А были руки в трещинах от зноя.

Ни радости, ни счастья, ни тепла –
С утра до зорьки – чёрная подёнка.
Одна лишь фотография цела:
Родные руки кутают ребёнка.

Я говорлив. Иль молчаливый вдруг.
Родимой руки мне тепло дарили.
И краше не было любимых рук,

Милее не было
их ловкости и силе.

Где эти руки?.. – Сложены крестом.
Белее снега плыло покрывало...
Я был мальчонкой.
Вспомнишь лишь потом,
Как этих рук мне дико не хватало.

Давно я маму с дедом пережил, –
Давно рождённый в снежный день По-
крова.
И вот теперь я дряхлый старожил –
Живу себе среди внуков и покоя.

Моё горенье

Будь всегда со мной, моё горенье,
Жар в моей груди, не остывай!
Будь всегда со мной, моё терпенье,
Не бросай меня, не остывай!

С вами я возьму пути любые,
Выйду к речи точной и нагой,
Сделаю, чтоб люди полюбили
Из груди исторгнутый огонь.

Будь всегда со мной, моё горенье,
Я твоим огнём давно согрет.
Сохрани мне, жизнь, к тому презренье,
Где горенья нет, терпенья нет.

Снежинки

Падают и падают снежинки.
Белый снег... И белая зима...
Все летят холодные пушинки
На лицо, на поле, на дома.

Я ловлю их жаркою рукою,
А они плывут, глаза смежив.
Может, с полноводною рекою
Потекут, всю душу обнажив.

Будут течь просторно и широко,
Где-то с ними я пересекусь...
Заживём опять по воле рока.
Велика у нас святая Русь!

Мир глазаст...

Был мир глазаст, цветаст и ясен,
Как солнце, в очи била страсть.

Нет, не старайся – труд напрасен.
Не свяжешь... Нить оборвалась!

Но где-то там, еще в глубинах
Раздумий тяжких и обид,
Боясь взорваться, как на минах,
Надежда тихая стоит.

Из дальней дали, злой и строгой,
Через отчаянье и ложь
В последний раз меня растрогай,
Последним взглядом обнадѐжь.

Новый день

Я шел по лесу утром рано
И слушал птиц веселый гам,
Давил бруснику на полянах –
Аж кисло было сапогам.

Я шел и радовался свету
И с веток стряхивал росу,
И новый звонкий день по следу
За мною шествовал в лесу.

Я сам, как ветер, полон света,
Готов смеяться, петь, бежать.
Земля и люди – песня спета...
Мне так вас хочется обнять!

Верное слово

У песни всё дело в зачине,
Где встали слова на места, –
И только по этой причине
Она раскрывает уста.

Проходит на марше суровом, –
Уж так повелось на веку...
... Но где это верное слово,
Что первым ворвѐтся в строку?

По ягоды

Смех земляничный в травах,
Поздняя ярость ягод,
Близко лесные поляны,
Не замедляйте шага!

Век земляничный не долог,
Ягоды ждать устали,
Пробуй на вкус и сладость
Жаждущими устами!

Эта коричневость ягод
Вовсе ещё не привялась,
Сколько горячей крови
В их глубине осталось...

Близко лесные поляны
Не замедляйте шага,
Там по одной умирают
Лучшие из всех ягод.

Я ж устремлюсь в увалы –
Недалеко от дома.
Там я и гость бывалый, –
Мне тропка уже знакома.

Осень, осень...

Меня влечёт в сады, влечёт к природе,
Туда, где от осеннего огня
Уже пылают листья, что походят
На жар, горящий в сердце у меня.

В сады, где паутина словно тина,
Где меж ветвей блестят ее слои.
А может, это и не паутина,
А мысли бесконечные мои?

Давно уж солнце не сжигает кожу,
А холодно мерцает меж ветвей,
Как будто на любовь оно похоже,
Оставшуюся в юности моей...

Форель играет

Прислушайся. На всей планете
Замедлен времени полёт.
Форель играет в лунном свете,
И вся вселенная поёт.

Как из доверия в измену,
Как из бессмысленности в цель,

Форель летит из пены в пену,
Играет горная форель.

Над валуном играет стая,
Законам рыбьим вопреки,
Червонным золотом блистая,
Меж звѐзд струятся плавники.

Скоро грянет мороз...

Лес печален и светел,
Вымок, выгорел луг.
Стылый северный ветер
Птиц доносит на юг.

Над осеннею Русью,
Сквозь дождливые дни,
Крылья вытянув, грустно
Проплывают они.

Гнал на север их ветер,
Гонит нынче на юг.
Тянет сосенка ветви
На юру, на краю...

Грядки белой капусты –
Как пеньки от берѐз.
... В поле сыро и пусто:
Скоро грянет мороз.

Творчество

Я потерял стихи...
В автобусе застрял –
И лучшие стихи
Сегодня потерял.

Я потерял стихи.
Таил до срока их
Не в книжке записной,
В предчувствиях моих.

За жизнь свою таких
Не сочинял стихов.
Отвлѐкся лишь на миг –
И нет начальных слов.

То близко за плечом,
То далеко слова,
Хоть вспомнить бы – о чём?
Да голова слаба.

Я ж потерял её,
Когда в толпе застрял,
Я, может, с ней своё
Бессмертье потерял!..

Праздно гуляю

А что я собой представляю?
Не сею, не жну, не пашу –
По улицам праздно гуляю
Да разве стихи напишу...

Но доброе зреет зерно в них
Тяжелою красотой –
Не чертополох, не терновник,
Не дикий осот густой.

Нагреется калорифер,
Осветится кабинет,
И жаром наполнятся рифмы,
И звуком становится свет.

А ты средь обычного шума
Большой суеты мировой
К стихам присмотришь и подумай,
Реши: «Это стоит того?..»

Сосед

Кричал ребёнок за стеной.
Он измывался надо мной.
Работал я под этот крик.
Отчаивался, но привык...

Теперь за стенкой крика нет –
Переселился мой сосед.
И вот сегодня в тишине
Чего-то не хватает мне.

Крикун уехал в новый дом,
Но как скучаю я по нём!
Как будто он не капли слѐз –
Из жизни цвет её унёс.

Снова затоскую...

Скоро снова затоскую
И присяду в уголке.
Дай мне песенку такую,
Чтобы вспомнить налегке.

И за прялочкой за нашей
Заклубится волокно.

Дай мне песенку покраше,
А какую – все равно.

Чтоб кобылка вороная
Заплясала пред тобой,
Чтобы звездочка ночная
Зазвенела под дугой.

Чтоб дороженьку прямую
Снег-пурга не замела.
Дай мне песенку такую,
Чтобы вновь не подвела.

За Исом-рекой

За Исом-рекой дымятся печи.
Там кругом сосновые леса.
Словно заколдованные свечи,
Кроны подпирают небеса.

Буду дюже гнать на всю железку
Своего каурого коня.
Вспомню чудо-речку Мелекеску,
Вспыхну от счастливого огня.

И еще сильнее добавлю прыти
На дороге дальней, объездной.
Если скажут:
– он блажной, – не врите! –
У меня сегодня выходной.

По селу Журавлику я мчался –
Вытянулось длинное село.
Так и есть – журавль тут распластался.
Вишь, куда родного занесло!

Только вряд ли сердце будет радо...
Слёзы градом сыплются из глаз.
Избы-развалюхи хип-парадом
Умирают, словно напоказ.

Только не оплошать бы!..

Людам отдайте строчки,
Одежду, обувь, тетрадки, –
Только сейчас, без отсрочки,
Только теперь, без оглядки.

Типы, характеры, судьбы,
Рожденья, скитанья, свадьбы...
Только не оттолкнуть бы!

Только не оплошать бы!
Надо вершить толково,
Надо вершить умело
Скорую помощь слова,
Скорую помощь дела.

Скворечники

Замерла отплясавшая вьюга,
Отшумели дурные бои.
Все скворечники в сторону юга
Наострили оконца свои.
Загнивает поселок заречный,
Улетели пичуги к дворцам.
За морями родные скворечни
Обязательно снятся скворцам.

У детишек аж лица светились –
Вот она – благородная честь:
– Воротились! Скворцы воротились! –
Раздается мальчишечья весть.

Будь хоть дикий балбес, хоть убогий –
Не запачкаю этой строки –
Ни один сорванец босоногий
На скворца не поднимет руки!

Мне не надо волшебного рая.
Без скворцов – мне последний каюк...
По России от края до края
Все скворечники смотрят на юг!

Песня

От грустной песни плачет поле:
Какой в душе переворот!
Она волнует поневоле,
Невольно за сердце берет.

Какое сладкое волненье
Навеял милый стихотвор!
Есть теснота, и горечь в пенье,
И распахнувшийся простор.

Как тот проклюнувшийся колос
Иль в недрах горная руда –
Какой красивый сильный голос,
Как он летает без труда!

Так может только петь счастливый
И справедливый человек.

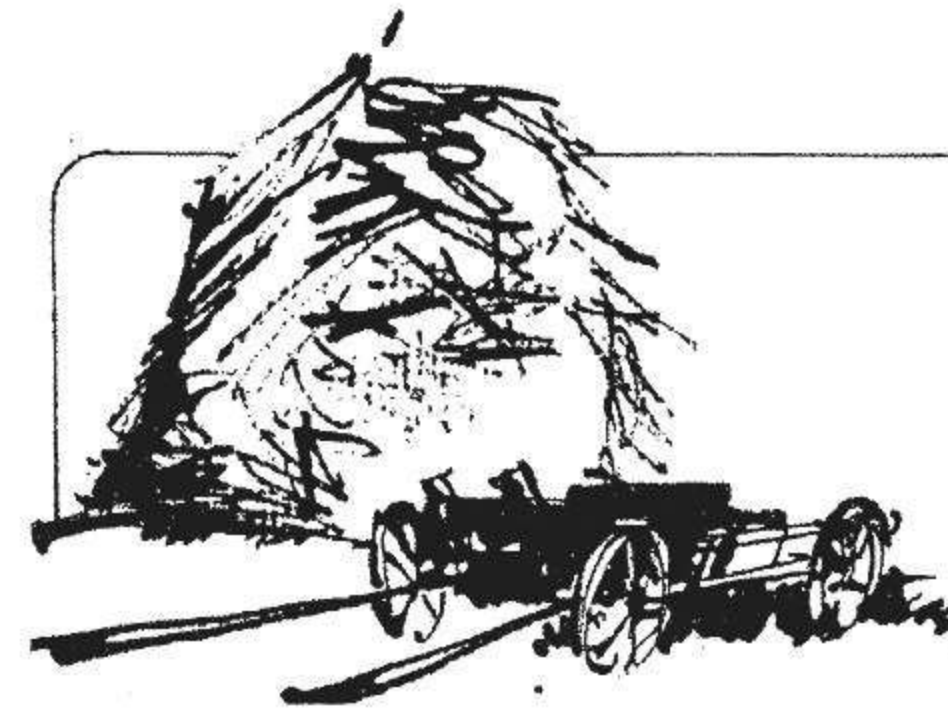
Должно быть, сильный и красивый...
... Иль это богочеловек?

Стога в тумане

Неверный, тающий рассвет,
А на поляне
Стоят, как башни давних лет,
Стога в тумане.

Они как пятна полутьмы
И полусвета.
По ним так внятно видим мы:
Уходит лето...

Они вблизи, они вдали
На расстоянье,
Как выросшие из земли –
Стога в тумане.

Колесил по стране

Ровесник живёт в Костроме,
Работает трудно и честно,
А я колесил по стране,
И цель только Богу известна.

А я суетился, спешил.
Всегда мне нашёптывал дьявол:
«Покинем жилище! Сбежим!»
Летал. Сумасшестввовал. Плавал.

В вагоне торчал у окна.
Осенняя пыль моросила.
И всюду встречала одна
Тревога.

Судьба.
И Россия.

Кровь моя...

Иду в полях. Куда – не знаю.
Межой хрустящею иду.
Я всё о чём-то вспоминаю,
Я всё чего-то не найду.

Наверно, я ищу рябину,
Степной, обветренный дичок.
Вот подойду и сердце выну,
Повешу сердце на сучок.

И буду жить без слёз, без тягот.
... Дроздов веселая семья
Обрадуется цвету ягод,
А это просто – кровь моя.

Два слова...

О, как говорят над могилой,
Как горестно машут рукой, –
Он был и «любимый», и «милый»,
«Сердца обжигал нам строкой».

Десятую долю – не больше –
Сказали б ему, когда жил, –
На сколько он прожил бы дольше,
Стихов еще сколько сложил!

Твержу, как заклиние, снова:
Любите живых горячей, –
Нужнее живому два слова,
Чем мертвому десять речей.

Вкривь и вкось...

Всей силой чувств и мыслей всех
Из дальней дали той,
Я слышал тот веселый смех,
Далёкий и родной.

Я лучше сердца своего
Всю знал тебя насквозь.
А тут, не знаю отчего,
Все вкривь пошло и вкось.

Как будто годы за других
Меня забрали в плен
Всей грубой тяжестью своих
Предательств и имён.

Город-лес

В город-лес приедешь. Глянешь. Ах!
Мол, такого не видал от веку:
Соловьи поют на этажах,
Этажом считай любую ветку.

Походи. Послушай. Подивись.
Сумерки шуршат в кустах ежами.
Тишина крадётся, словно рысь
С мягкими, пушистыми ушами.

Здесь брусника туго налита,
Тронешь пальцем – лопнет от пореза.
Топчется медведем темнота
В самой глубине сухого леса.

По утрам по лесу – тарарам:
Город мой встречает хлебосольно.
Здесь зверям живётся, как царям,
И пернатой вольнице раздольно.

Оторви попробуй-ка меня
От цветов, от лиственниц, от луга!
Своего «зелёного коня»
Ни за что не уступлю я другу.

Во мне осталась...

Невзначай, по прихоти судьбы,
Вот сейчас тебя увидеть мне бы
Без упрёка, грусти и мольбы,
Женщина – моё второе небо!

Не сердись, что позабыть не смог
Темнотой испуганные руки,
Тела твоего живой поток,
Двух сердец ночные перестуки.

День, прожжённый горечью насквозь,
Вечера холодную усталость...
Так забыть тебя и не пришлось,
Ты прости, что ты во мне осталась.

* * *

Стихи! Опять я с ними маюсь,
Веду, беру за пядью пядь,
И где-то в гору поднимаюсь,
И где-то падаю опять!

И где-то в строчке вырастаю,
А где-то ниже становлюсь,

Поскольку критику читаю,
А перечитывать боюсь!

А может, в прозу бросить камень,
Да нет его в моей руке.
А что же делать со стихами?
Не утопить ли их в реке?

Спит село...

Спит село – ворота на засовы.
Серый сумрак ходит на задах.
Спит село к заре бочком тесовым,
Задохнулась тишина в садах.

Вот и дом:
Знакомое крылечко,
Жёрдочки некрашенных перил.
Тихо звякнув кованым колечком,
Я неслышно двери отворил.

Будто всё не наяву, а снится...
Шаг ли, два ли сделал от дверей –
Не пойму: разохлись половицы?
Иль походка стала
Тяжелей?

Слепые котята

Под полом бабка шарит кочергой
В сарае пыльном и себя торопит –
Никто, никто, как видимо, другой
Слепых котят в корыте не утопит.

Старуха знает: только дай им рост –
«Грехом господним» это обернётся,
Через неделю ветреный мороз
Над горем белозубо улыбнётся.

Но кошка по-звериному права,
Хотя и помнит прежние потери,
Котят убрав далёко за дрова,
Она, как мать, в беду опять не верит.

Неотосланные письма

Долго гнал свою мысль я по кругу,
Много раз начинал я строку,
Чтобы высказать лучшему другу
Всё, что знал и видал на веку.

Я бывал многословен и краток,
И листал словари в тишине.

Но как бледен души отпечаток
На листках, что остались при мне.

Мысли плоски, и образы плоски,
Сердца крик, к сожалению, тих,
И повсюду со мной отголоски
Неотосланных писем моих.

Пеун

Не гребень этот рыжий ёрник –
Корону нёс на голове,
И лапы цепкие, как корни,
Бренчали шпорами в траве.

Он так косил янтарным глазом,
Швыряя мусор и песок,
Как будто россыпи алмазов
Вот-вот открыть в канаве мог.

Он видел за полночь с насеста,
Как с неба сыпались они.
Вот не запомнил только места!..
И набок голову клонил.

Ведь до свету кричал он людям,
Кричал до хрипоты в груди
Об этом августовском чуде,
Да никого не разбудил.

Все потому, что людям снится
Другая песнь, другая речь...
... А спички чиркали зарницы
И зорю не могли разжечь.

Все впереди

Уже июль. Цветёт по сторонам
Проселочной дороги медуница.
Дождь вымыл лица древним валунам,
И молодеют каменные лица.

И времени наполненный поток,
Как лёгкий свет, проходит через тело.
И каждый вздох, как радости глоток.
Все впереди! И жизни нет предела!

Муравьиные войны

Муравьиные войны – это вовсе не смех,
Это два государства сражаются
на смерть.
Набегая, сшибаются не для потех

Легионы бойцов, словно волны
в ненастье.

Или я, или ты, род соседний – на род...
Из-за нескольких метров пустынного
места
Самый сильный и умный подземный
народ
Истребляет друг друга, пьянея от мести.

Опустела под сучьями сосен земля.
Для кого ты звенишь, распрекрасное
лето?

Под ногами дерущихся гаснут тела
Идеальных строителей, смелых атлетов.

И нелепыми кажутся стойбищ холмы,
И к работе погибших рассвет
не разбудит.
... И над этим стоим, что-то думая, мы,
В сапогах великаньих смущённые люди.

Памяти отца...

Может быть, зимой, а может, летом
Оборвался твой солдатский путь.
Ничего не знаю. Даже это:
В день какой тебя мне помянуть?

В сторону какую поклониться
По-сыновьи праху твоему?
Чёрный ворон, вековуха-птица,
Ты не в том ли почернел дыму,

Что ему, солдату, выел очи?..
И не ты ли, сидя на суку,
Перед самым боем напророчил
Долюшку такую мужику?

Долюшку – растаять с дымом взрыва
В облаках?.. Несутся облака.
Ворон дремлет. Ворон нем как рыба.
Только ель скрипит под ним слегка...

Видеть пол-России...

С крутого волжского откоса
Над тишиной воды и трав,
Скажи, куда летишь, берёза,
По ветру ветки распластав?

Быть может, хочешь ты послушать,
Как Каспий плещется вдали?
Как, выворачивая душу,
Кричат за Волгой глухари?

Как проплывают теплоходы,
Каких не видел отродясь?...
Я поменялся бы охотно
С тобой местами хоть на час.

Чтоб солнцем, ветром, небом синим,
Стоять мне, полным до краёв,
Чтоб сразу видеть пол-России,
Держась корнями за нее.

После смены

Зелёный вечер огоньками вышит.
Дрожит сутулый месяц на весу...
Я в синий дом под черепичной крышей
В больших руках усталость принесу.

Меня здесь ждут. Мне приготовят ужин.
Мне много добрых слов наговорят.
А мне б в траву упасть и слушать,
слушать,
Как в гулком теле мускулы гудят.

Вычеркнутая строка

Строка топорщится порой,
Красою дикою тревожа,
Но песни сохраняя строй,
Поэт вычеркивает всё же –

Её. И сразу на места
Всё встанет. Песнь рекой польётся.
Поэт лишь грустен. Строчка та
В предсмертных судорогах бьётся.

Найдя её, он сжился с ней,
Она его души кровинка,
Она пока ещё сильнеей,

Её не выкинуть в корзинку.
И кажется: наверняка
Уж не найти ее чудесней...

Ты – вычеркнутая строка
Из самой-самой звонкой песни.

На охоте

День целый, без толку ухлопав,
Взъярился я на кулика.
Но тут по воле мизантропа
Хлестнула дробь издалека.

Кулик, не быть тебе героем...
Придется птицу брать живьем.
Как стойкий воин перед боем,
Он жил один в гнезде своём.

А вдруг замечу – не привечу?
С родным гнездовьем загублю?
Гнездо случайно искалечу,
Ногой ли в травах наступлю?

Не станем прятаться мы в прятки!
На кулика смотрю любя –
И – мимо леса, без оглядки...
Знай, милый: всё у нас в порядке,
Я так давно люблю тебя.

Ялта Чехова

Брожу по набережной снова,
Грустит на рейде теплоход.
И прелесть улочек портовых
Вновь за душу меня берёт.

Прохладно, солнечно и тихо.
Ай-Петри в скудном серебре...
Нет, не курортною франитхой
Бывает Ялта в январе.

Она совсем не та, что летом, –
Скромна, доверчива, проста.
А сердце мне сжимает эта
Застенчивая красота.

И вижу я всё чаще, чаще,
В старинный забредая сад,
Бородку клином, плащ летящий,
Из-под пенсне усталый взгляд.

Перед картиной Репина «Л.Н. Толстой на пашне»

Бог в помощь, граф!
Идут лошадки цугом
За тобой,

как смерды – за вождем.
Ты пером орудуешь, как плугом,
И буровишь плугом, как пером.

Ветерок по бородатым скулам...
Острый взор...

Ты сам под стать стиху.
Как былинный богатырь Микула,
Мощно налегаешь на соху.

Вечной думой омрачились брови,
Будто слово гневное изрёк.

Ты вспахал, перетряхнул,
взбуровил
Всю Россию вдоль и поперёк.
Ты умел – и все кругом дивились! –
Так пахать с зари и до зари,
Что на троне

в дикой дрожи бились
Русские бесславные цари.

Дом Л. Н. Толстого
в музее-усадьбе Ясная Поляна

Огонь родится от огня...

От солнца происходит тень,
Рассвет рождает новый день.
Огонь бывает от огня.
А без тебя и без меня,
Без бунта в яростной крови
И нет и не было любви.

Не называй меня «родным»,
Когда в душе твоей лишь дым,
Лишь дым от вечного огня.
Не называй «родным» меня!

Не говори мне «дорогой».
Раз ты чужая – будь чужой.
Пусть не заполнит пустоту
Обман, что виден за версту.
«Любимым» не зови меня!
Огонь родится от огня...

Сенокос

Рассыпана вразброс
Июльская роса –
Сегодня сенокос
В селеньях начался.

Осанна косарям,
Слагателям стихов,
Росистым снегирям
Создателям стихов.

И, заспанный слегка,
Встаёт рассвет босой,
И за строкой строка
Ложится под косой.

Гора Любви

Гора Любви – гора страданий,
Гора надежд и милых грёз,
Гора моих воспоминаний,
И чьих-то мук, и чьих-то слёз...

Поговори, гора, со мною,
Поговори! Поговори!
Любовной вновь обдай волною,
Всем тайнам двери отвори.

Ползу... семидесятилетний,
В клещах, в рубинах волдырей,
Чтоб твой услышать зов приветный,
Скорей, откройся же скорей!

Уже ползу на четвереньках
И с сумасшедшинкой-мечтой:
Авось, из ближней деревеньки
Примчится чудо под фатой...

Айда, гора! –
Не без искусства
Взбурлим, взволнуем людям кровь!
Так исковерканы все чувства,
Так испоганена любовь...

Презирая скардность,
твержу:
Не приемлю это!
Отвергаю!
Каждой крошкой свято дорожу
И на верность хлебу прясгаю!

Капуста

Листья обломал у кочанов:
Те – скоту, а эти – для столовой –
И смеюсь над ротой молчунов,
Над шпаной моей бритоголовой.

Прут они –
а всяк и наг, и пеш –
Прут и прут, не оставляя следа
И глазами упираясь в плешь
Впереди шагавшего соседа.

В пять колонн по грядкам сгоряча
Шпарят без руля и без привала.
– Тверже шаг! – кричу им, хохоча. –
Выше ногу!
Песню, запевала!

И секирой, то бишь топором, –
Ну и груз взвалил себе на плечи! –
Я готовлюсь учинить погром,
Как Мамай на поле грозной сечи.

Кочаны, внимая певуну,
Быть-не быть... –
свои считают шансы.
... А ведь, право, наши новобранцы
Так же шли на сечу
в ту войну...

Так же шли: того-сего не сметь!
Так же – молчаливо и понуро.
Впереди маячила им смерть –
Не до шуток,
Не до каламбуров.

Помню, как

под плачи бубенцов,
Без речей, без муз,
без привилегий
Увозили на войну отцов
Грязные колхозные телеги.

Море слез...
В тумане голова...
Уж село закрылось чёрной рясой.
А с телег –

лишь вещие слова:
– Умирать везут...
– Везут на мясо...

И последний взмах руки отца,
Как благословение земное...
Я всю жизнь в том стоне бубенца
Чую что-то гневное, взрывное.

Да, колхозник – не интеллигент.
Да, колхозник – далеко не нытик.
Но над ним кремлевский импотент,
Параноик, импотент-политик.

Всех сожрал усатый наш пахан.
И – с концом...
Все влипли в заваруху –
Пять дядьёв и мой отец –
в капкан!
С той поры ни слуху и ни духу...

Я твержу себе:
– Заспи, забудь...
Но сердце не молчит –
гремит набатом.
Сорок миллионов где ж вернуть...
Вся страна была ему
Штрафбатом...

Шутка с кочанами удалась.
Но в душе и холодно, и пусто:
Пахану была милее власть,
А пять дядьёв с моим отцом –
Капуста...

Содержание

Холодно лету 2010-го...	3	Очарование твое	9
Драга	3	Тайна	9
Платина	3	С днем рождения,	
Антихрист	3	родная!	9
Весь на виду	3	Жуть и страх	10
Медяки	3	Август	10
Счастливая весна	3	Ночная гроза	10
Отава	4	На хуторе	11
Колосья стихов	4	Тухлый рок	11
Ночь	4	Деревня Федино	11
Электросварщик	4	Ручей	11
Море	4	Кормушка для птиц	12
Я старею...	5	Песенка	12
Не замай!	5	Круиз по Каме	12
На почте	5	Соловьи	12
Волки и овцы	5	Доблесть	13
Лилия	6	Из детства	13
Благоуханный край	6	Мир спасти!	13
Над, жный друг	6	К осени	13
Февральская лазурь	6	Зубик режется...	14
А не сбежать ли?..	6	Девчонка	14
Радости нет...	6	Пытаюсь понять...	14
Июль в тайге	6	Торнадо	14
Крикнула звонко	7	Я стал сентиментален...	14
Хотя бы раз!..	7	Печка	14
Птичье вече	7	Стихийная сила	15
В блеске молний	7	Устал	15
Скрипи, перо!	7	Слава	15
Упрямый зевака	8	Малиновый жар	15
Тоскливый день...	8	Не знать простоя!	16
Мой милый Ис	8	Рванись, строка!..	16
Старость – не в радость	8	Профиль Пушкина	16
В простачках	8	Тонет собака	16
Коснулась осторожно	9	Ищу тишину	16
Органный концерт	9	Вс, – на ритме!	17
Кони	9	К временам года	17
Пьяное столетье	9	Конь Казбек-гора	17

Я с великой страной...	18	Снова затоскую...	25
Жизнь пуста	18	За Исом-рекой	26
Полундра!..	18	Только не оплошать бы!..	26
Человек и природа	18	Скворечники	26
Участь друга	19	Песня	26
Упиваюсь покоем...	19	Стога в тумане	27
Зеленый дол	19	Колесил по стране	27
Подруга дорогая...	19	Кровь моя...	27
Вечером во ржи	20	Два слова...	27
Поэты	20	Вкривь и вкось...	27
В день рождения матери	20	Город-лес	28
Гениев убили на войне...	20	Во мне осталась...	28
Снежок	20	Стихи! Опять я с ними маюсь	28
Заметель	20	Спит село...	28
Собачьи свадьбы	21	Слепые котята	28
Каков ты в самом деле...	21	Неотосланные письма	28
Ночная гроза	21	Пеун	29
Парус надежды...	21	Все впереди	29
Предосеннее	21	Муравьиные войны	29
Заботы	22	Памяти отца...	29
Приходи	22	Видеть пол-России...	30
Вот так встреча!..	22	После смены	30
На реке	22	Вычеркнутая строка	30
Святые часы работы...	22	На охоте	30
Витязь	22	Ялта Чехова	30
Коза	23	Перед картиной Репина	
Мамины руки	23	«Л.Н. Толстой на пашне»	31
Мо, горенье	23	Огонь родится от огня...	31
Снежинки	23	Сенокос	31
Мир глазаст...	23	Гора Любви	31
Новый день	24	Декаданс	32
Верное слово	24	В тисках современности	32
По ягоды	24	Безумный век	33
Осень, осень...	24	Вдова	34
Форель играет	24	Детство,	
Скоро грянет мороз...	25	опаленное войной	35
Творчество	25	Военный хлеб	35
Праздно гуляю	25	Капуста	36
Сосед	25	Содержание	38

Филипп Саночкин

Мой милый Ис

Стихи

Компьютерная верстка: О. Симаков

Изготовлено в ИД «Резонанс», г. Н. Тура, ул. Свердлова, 135,
тел. (34342) 2-46-84, 3-66-89
e-mail: rezonans92@mail.ru

Заказ 3754. Тираж 30 экз. 2010 г.
Гарнитура «Arial». Бумага «SvetoCopy».
Формат 84x1081/32